

От ненависти До любви

Читайте романы Аллы Полянской в серии

От ненависти До любви

ОДНА МИНУТА И ВСЯ ЖИЗНЬ
СЛИШКОМ ЧУЖАЯ, СЛИШКОМ СВОЯ
ПРОГУЛКИ ПО ЧУЖИМ НОЧАМ
МОЯ НЕЗНАКОМАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕНЩИНА С ГЛАЗАМИ КОШКИ
НАЙТИ СВОЙ ОСТРОВ
ПРАВО БЕЗУМНОЙ НОЧИ

АЛЛА ПОЛЯНСКАЯ

ПРАВО
БЕЗУМНОЙ НОЧИ

ЭКСМО

МОСКВА

2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П 54

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*
Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Полянская, Алла.

П 54 **Право безумной ночи** : роман / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (От ненависти до любви).

ISBN 978-5-699-74902-7

Ольга твердо решила свести счеты с жизнью. Все равно в ней нет никакого просвета: бесконечные проблемы дома и на работе, дети выросли, и она перестала быть им нужна, а самое главное — неожиданно настигшая ее несчастная любовь. Как она ни старалась, Виталий Марконов видел в ней всего лишь друга... От последнего шага вниз с моста ее удержал какой-то бородатый грубиян на внедорожнике. После этого Валера незаметно вошел в ее жизнь и легко справился со всеми проблемами. Вот только он не мог предвидеть, что в машину новой знакомой подбросят взрывчатку и погибнет главный бухгалтер фирмы, где она работала. А потом Ольгу еще раз попытались убить... Никто, кроме нее самой, не вправе определять, жить ей или умереть! Но как узнать, кто и почему на нее покушается? Она хотела разобраться во всем сама, как привыкла, однако у Валеры оказались на этот счет совсем другие планы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-74902-7

© Copyright © PR-Prime Company, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

1

Умирать от несчастной любви глупо. Особенно когда тебе под сорок, у тебя практически взрослые дети и есть какая-никакая карьера. Я знаю, что глупо, я знаю, что сказали бы друзья или знакомые, что подумают дети — если я буду такой дурой, что оставлю записку, где сообщу: мол, люблю Виталия Марконова, а он меня — нет, поскольку я выше его ростом и толстая, а он любит тощих. Да покажи мне такую предсмертную записку, я бы сама ржала, как стадо пожарников, до конца своих дней!

А потому я ничего писать не буду. Близнецы уже взрослые, обойдутся без меня. Я решу вопрос с квартирой, ну, и с прочими делами — и все, ребята, больше я в этой возне не участвую. Я устала тянуть этот воз, я устала быть одна и одна за все отвечать, я устала от того, что в моей жизни мне ни разу не попался нормальный мужик, а только неудачники, лодыри и ничтожества. И вот когда наконец он мне встретился — не неудачник, не лодырь и не ничтожество, то он со мной типа дружит. Потому что я здоровенная дылда с больной спиной, а не утонченная леди. Хотела бы я знать, как при такой рабочей нагрузке из меня можно сделать утонченную

леди. Вот, тащу из машины сумки на шестой без лифта этаж — мне нельзя поднимать более трех килограммов, спина болит зверски. Но ребята там жрать хотят уже небось, а мать, видите ли, страдает из-за несчастной любви. Стыдно кому сказать — но реально я больше не могу этого терпеть.

— Мам, ну где ты ходишь? — Матвей берет у меня из рук сумку. — О, печенья не купила...

— Забыла.

— Ты ж еще не разделась — съезди.

— Да пошел ты...

Матвей остался стоять с открытым ртом, а я, сбросив туфли, бреду к себе в спальню. Боль в пояснице становится все сильнее, мне надо бы прилечь. Я очень люблю своих детей, но иногда меня достает то, что они относятся ко мне как к штатному повару, прачке, уборщице и говночерпию. И вот сегодня достало окончательно.

— Мам, а что кушать?

Это второй подал голос. Ну, ребята, ешьте что-нибудь, можете что-то сварить, а на меня больше не рассчитывайте, привыкайте сами заботиться о своем пропитании.

— Денис, кушать будете сегодня то, что сварили.

Мне вот любопытно: а когда я умру, они заметят мое отсутствие только по пустому холодильнику и отсутствию чистой одежды в шкафу?

— Дэн, иди сюда! Тут надо куки почистить, прежде чем грузить, а ты...

Все, я не слушаю. Мои дети-программисты, хоть еще и студенты, уже встряли в какую-то фирму, и в доме жителя не стало от разговоров о... Бог знает, о чем эти разговоры, мне нет места на этом празднике жизни. Деньги они тратят на «железо» — их комната превращена в подобие склада компьютерной техники, и моя задача — не дать сыновьям пропасть с голоду. Но теперь я думаю о

своей рухнувшей жизни и о том, что я — плохая мать, наверное, если мои личные переживания для меня сейчас важнее интересов детей, но — так тому и быть. Да, важнее. Потому что я люблю Виталия, и надежды на взаимность у меня нет ни малейшей.

— Мам, дай пожрать, а?

Они похожи друг на друга как две половинки одной задницы — оба русоволосые, зеленоглазые, с прямыми бровями и пухлыми губами. Они оба похожи на Клима, но это все, в чем они на него похожи. Они — избалованные наглые сопляки, которые никогда не получали по морде. И это я их такими вырастила — все заботилась, чтоб им было не хуже, чем другим детям. Тем, у которых есть отцы.

— Я занята. Хотите пожрать — готовьте сами.

— Идем, Мэтт, у маман снова приступ буйства.

Переглянувшись, они исчезают у себя в комнате. Лет с четырнадцати они ведут против меня войну, мне уже кажется, что так было всегда — и победа много раз переходила из одного окопа в другой, с более или менее приемлемыми потерями, но война эта вымотала меня окончательно, а дети, похоже, только вошли во вкус.

И теперь на меня вдруг обрушилась любовь.

Абсолютно ненужная, нелогичная и всецело безответная, она упала мне на голову, как рояль на грузчика, и мне вдруг стала понятна моя жизнь — вернее то, что от нее осталось после смерти Клима. Работа, беготня с сумками и война с близнецами на фоне тотальнойготовки, уборки и перманентной стирки с глажкой. Это — моя жизнь последние восемнадцать лет. А Марконов ездит по миру, живет в Испании, у него шикарная квартира в центре Питера, такая же — в центре нашего города, где он почему-то предпочитает жить, у него большой бизнес, друзья-политики, приятели-миллионеры, и я всем не вписываюсь ни в его жизнь, ни в его окружение,

ни в его постель, потому что, ко всем моим недостаткам, я ростом выше его и совсем не модельных параметров. И если размер своей задницы я еще могу изменить, то возраст и наличие полного загона в жизни, а тем более близнецов — нет.

И выхода нет.

Я устала быть сильной, граждане, так что отныне копайте погреб без меня. А я завтра решу вопрос с недвижимостью, распределю средства — и айда, на том конце тоннеля меня заждался Клим. С ним я мигом забуду Марконова.

Мой сотовый, похоже, пора бы утопить — у него есть идиотская манера звонить по ночам и что-то требовать от меня голосом шефа.

— Ольга Владимировна, я забыл вам сказать днем, но хорошо, что вспомнил сейчас — вы подготовьте мне на завтра документы по дистрибуции с «Селеной».

— Сейчас одиннадцатый час, Сергей Станиславович, и документы в офисе.

— Но у вас есть ключ. Мне эти документы нужны утром, к половине девятого.

Это мой шеф вспомнил, что не доделал днем. Я подозреваю, что он — вампир, но я-то пока нет. Впрочем, уже неактуально.

— И что?

— Вы же на машине, поезжайте в офис, я предупредил охрану, что вы приедете, и я хочу, чтобы все было готово к утру.

— А мне хочется спать, — все равно я собираюсь покончить с собой — заодно покончу и с этим говнюком. — И если вы до сих пор не знаете, что звонить людям среди ночи — дурной тон, то пора узнать, вы уже достаточно большой мальчик. А если учесть, что мой рабочий день уже закончен, то документы для вас я начну готовить завтра. И они будут готовы не к полови-

не девятого, а тогда, когда будут готовы, потому что по мановению волшебной палочки я ничего не делаю, это для вас новость?

— Ольга Владимировна, вы хорошо себя чувствуете?

— Как никогда. И если вы намекаете, что в моих услугах больше не нуждаетесь, то так тому и быть. Но я вам в рабы не нанималась, я финансовый аналитик, если вы забыли. Мой рабочий день и так длится шестнадцать часов, я восемь лет без отпуска, у меня один выходной, болею я тоже на работе. И если вы найдете другую дуру, которая станет работать на таких условиях столько лет — бог в помощь, но вот конкретно сейчас я ничем не могу вам помочь.

— Но это неприемлемо, я просто забыл вам сказать днем, так что же теперь, если завтра они придут с утра, а я...

— Спокойной ночи, Сергей Станиславович. Заведите себе ежедневник.

Завтра я заберу оттуда свою чашку, оставлю ключи от служебной машины и уйду. Больше никто не будет мной помыкать, никто не станет заставлять меня работать сутками, не будет беспокоить ночными звонками. Я пойду к нотариусу, оформлю собственность, потом к маникюрше — не хочу, чтобы патологоанатом считал меня неряхой, поеду посмотрю на Марконова — и в путь. Хватит с меня этого дерьма!

Я иду на кухню и варю себе какао. Сейчас мне уже не надо беспокоиться о том, что сладкое какао с булочками слишком калорийно — я сто лет не пила его из соображений сохранения более-менее приемлемой фигуры, и булочки принесла только для близнецов, в их телах калории сгорают мгновенно. Но мое тело завтра превратится во что-то малопривлекательное, и его размер будет уже неважен. Уффф, до чего же вкусно...

— Ма, принеси и нам какао! И булочек!

Это, унюхав запах какао, голосит кто-то из моих троглодитов. Что ж, ребята, я выбрасываю белый флаг — войне конец. Я уже и забыла, как сильно вас люблю — а вы точно забыли, что я когда-то целовала вас на ночь, устраивала вам кукольный театр, пела песни, а вы прижимались ко мне с двух сторон и тихонько сопели. Мы долго воевали — и войну начали вы, но я ее закончу. Я уйду — я вам больше не нужна. Я никому больше не нужна, вот уже скоро двадцать лет. Я очень боялась смерти, когда вы были маленькими — боялась оставить вас одних, беззащитных и слабых. Я делала все, чтобы вы были сыты, одеты-обуты, чтоб у вас было все, что есть у других детей, а то и больше. И я все это вам обеспечивала. Но сейчас вы выросли и всем своим видом и поступками даете мне понять, что я в вашем уравнении совсем лишняя величина — я все надеялась, что это как-то изменится, но оно не менялось и не менялось, хоть бы что я ни делала. И если дома был только кто-то один из вас, я могла побыть ему матерью — каждому в отдельности. И это был мой ребенок — добрый, даже нежный. Но когда вы вдвоем, вы словно соревнуетесь между собой, кто измыслит более изощренный способ причинить мне боль. И мне этого больше не вынести, я не могу больше воевать с вами, и не хочу, потому что я люблю вас обоих так, как никого на свете. Правда, поймете вы это гораздо позже, но поймете непременно.

Теплый душ — наверное, уже последний в моей жизни.

Почему люди кончают с собой? Говорят, что это слабость, эгоизм, бог знает, что еще. Может, это и верно отчасти, но в основном люди уходят оттого, что тупик. Некуда идти, просто — некуда, нет выхода, *no exit!* — и баста, карапузики, уж эта дверь всегда открыта. Церковь, конечно, осуждает — ну, да Бог сам разберется, я считаю, не такой он дурак, чтобы всех под одну гребен-